

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

УДК 911.3(517.3)(571.54)

А. Г. БАЗАРОВА*, Б. БАТБУЯН**

*Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ

**Институт географии АН Монголии, г. Улан-Батор

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БУРЯТИИ И МОНГОЛИИ

Представлены результаты социологического исследования уровня жизни населения приграничных районов России (Бурятия) и Монголии. Выявлены трансграничные различия в структуре и соотношении доходов и расходов населения, в имущественном расслоении. Изучено влияние приграничного положения на жизнедеятельность населения.

Ключевые слова: уровень жизни, структура доходов и расходов населения, мобильность, трансграничные различия.

Presented are the results from a sociological investigation into the level of living of the population in boundary areas of Russia (Buryatia) and Mongolia. The study revealed transboundary differences in the structure and relationship of incomes and expenditures of the population, and in property stratification. The implications of residence in border areas for the life activity of the population are explored.

Keywords: level of living, structure of incomes and expenditures of population, mobility, transboundary differences.

ВВЕДЕНИЕ

В связи с процессами регионализации и интеграции резко возрос интерес к проблемам устойчивого развития приграничных и трансграничных территорий. Уровень их развития рассматривается как индикатор эффективности геополитического и экономического сотрудничества государств. Между тем приграничные территории азиатской части России в социально-экономическом плане как отставали, так и продолжают отставать даже от прилегающих регионов. Многочисленные исследования последних лет указывают на резкие различия в развитии российских приграничных регионов по сравнению с такими же территориями сопредельных стран [1].

Республика Бурятия, имея самую протяженную границу с Монголией, характеризуется этнокультурной близостью с этой страной. Между тем сотрудничество в трансграничном регионе развито недостаточно. Как отмечает Т. И. Герасименко, части бурятско-монгольского трансграничного региона, объединенные ранее общей этнокультурной основой, развиваясь долгое время изолированно, подверглись значительной этнокультурной дивергенции [2]. В российско-монгольском приграничье отчетливо выражена демографическая и экономическая асимметрия, проявляющаяся в неравномерности людского потенциала, хозяйственной деятельности субъектов трансграничного взаимодействия. Периферийные аграрные районы Бурятии с убывающим населением и застойным течением социально-экономических процессов соседствуют с монгольскими аймаками с растущим населением и развивающейся аграрно-индустриальной экономикой.

Вместе с тем социальные последствия трансформационного периода по обе стороны границы были схожими и состояли в изменении моделей жизнеобеспечения и обострении проблемы низкого уровня жизни населения. Несмотря на многоаспектные исследования приграничных и трансграничных территорий, уровень жизни населения трансграничных регионов изучен недостаточно. В качестве примера наиболее полного анализа уровня и качества жизни, проведенного с использованием объективных и субъективных индикаторов, можно привести исследование на американо-мексиканской границе [3].

Сравнительный анализ уровня жизни населения сопредельных приграничных территорий с оценкой сходных черт и различий в системах жизнеобеспечения, роли приграничного положения в жизнедеятельности населения открывает возможности для расширения сотрудничества приграничных сообществ на локальном уровне.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование уровня жизни населения сопредельных приграничных районов российско-монгольского трансграничья проведено в 2009 г. в рамках совместного российско-монгольского проекта РГНФ-МинОКН «Региональное экономическое сотрудничество приграничных территорий России (Бурятия) и Монголии в новых геополитических и социально-экономических условиях» (проект № 07-02-92-102 а/Г).

Полевые исследования проведены на поселенческом уровне с применением социологического инструментария. Разработана анкета, включающая 35 вопросов, касающихся сведений по демографии, личным подсобным хозяйствам, доходам и расходам, приграничному положению и мобильности населения.

На начальном этапе использован широко распространенный в зарубежных исследованиях метод *wealth ranking* (ранжирование благосостояния) по [4], позволяющий решить несколько принципиальных задач: во-первых, определить локальные критерии (эталоны, стереотипы) относительного благосостояния, существующие в местном сообществе; во-вторых, стратифицировать домохозяйства по уровню благосостояния на основе локальных критериев; в-третьих, сформировать выборку для анкетирования.

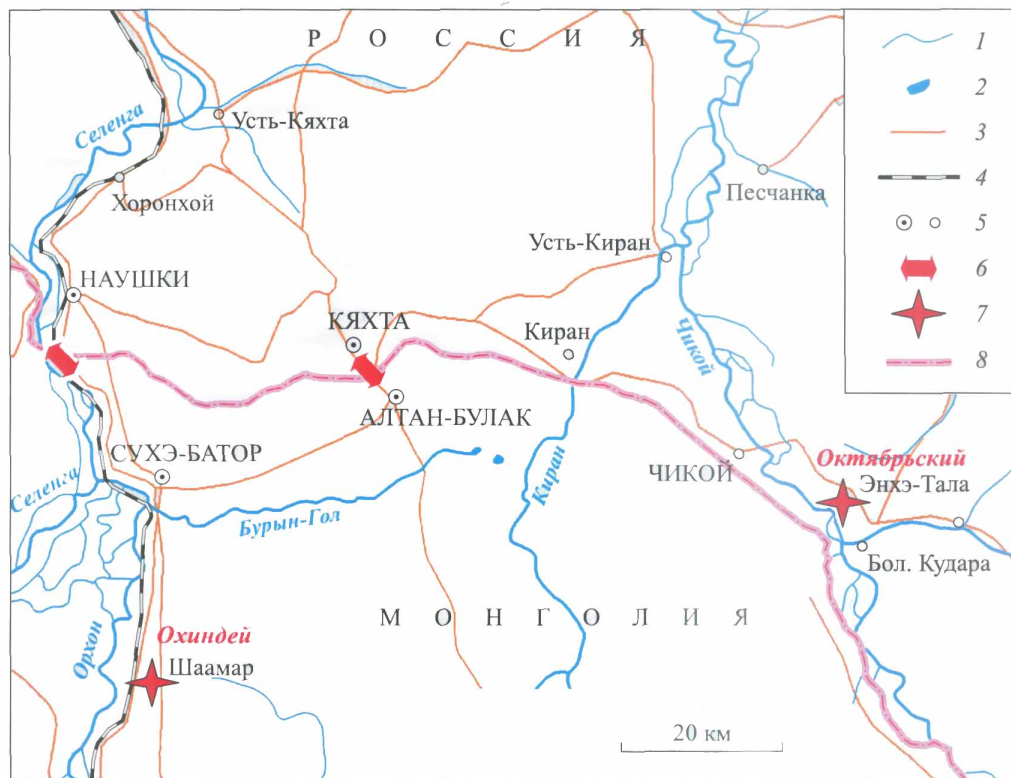
Использование метода возможно только в том случае, когда все жители поселения знакомы друг с другом. В условиях дисперсного расселения в Монголии этому требованию отвечает административно-территориальная единица на уровне бага — бригады — как группы домохозяйств. Баг — административная единица, в монгольских кочевых условиях наиболее приближенная к российскому поселенческому уровню.

При выборе модельных поселений учитывалось их положение на сопредельных приграничных территориях Бурятии и Монголии в непосредственной близости к государственной границе, а также развитая транспортная инфраструктура, что способствует реализации контактной функции границы и различных форм сотрудничества. Предполагалось, что реализация контактной функции содействует сравнительно высокой трансграничной мобильности населения, диверсификации источников доходов за счет вовлечения жителей в деятельность, связанную с приграничным положением — трансграничным перемещением товаров, людей, посредническими услугами и пр. Модельными территориями проведения детальных социологических исследований были выбраны: баг Охиндей, расположенный в сомоне Шаамар аймака Сэлэнгэ (Монголия); пос. Октябрьский Кяхтинского района Республики Бурятия (Россия) (см. рисунок).

Баг Охиндей — один из трех багов сомона Шаамар приграничного аймака Сэлэнгэ, расположен в 45 км от международного автомобильного пункта пропуска (МАПП) Кяхта—Алтан-Булак и в 40 км от международного железнодорожного пункта пропуска (ЖДПП) Наушки—Сухэ-Батор. Во времена плановой экономики в сомоне функционировали совхоз кормового, земледельческого и животноводческого направлений, а также овощеводческие, садоводческие и пчеловодческие участки. После 1990-х гг. хозяйство бага характеризуется традиционной для страны скотоводческой направленностью. На момент проведения социологического исследования численность населения бага Охиндей составляла 246 семей — 46 семей скотоводов и 200 оседлых семей, проживающих в центре сомона.

Поселок Октябрьский расположен в Кяхтинском районе Бурятии в 55 км от МАПП Кяхта—Алтан-Булак и в 65 км от ЖДПП Наушки—Сухэ-Батор. В поселке на начало 2009 г. числилось 111 семей, но во время проведения исследования фактически проживало 87. В советское время пос. Октябрьский наряду с селами Бол. Кудара, Холуй, Энхэ-Тала входил в состав одного их крупнейших хозяйств республики — колхоз «Дружба». После распада колхоза в 1994 г. образовано ОАО «Улзыта», основное направление деятельности которого — мясомолочное животноводство.

Процедура ранжирования благосостояния проходила поэтапно. В модельных поселениях были выбраны три информанта — люди, хорошо осведомленные обо всех домохозяйствах в поселении, способные оценить положение каждой семьи: руководители и сотрудники местных администраций, медицинские работники, специалисты сельского хозяйства. Предварительно из похозяйственной книги в пос. Октябрьский и данных администрации бага Охиндей на карточки с номерами были

Модельные поселения исследования.

1 — реки; 2 — озера; 3 — автодороги; 4 — железная дорога; 5 — населенные пункты; 6 — пограничные переходы; 7 — модельные поселения; 8 — государственная граница.

выписаны фамилии и инициалы глав всех домохозяйств. Информантам поочередно было предложено распределить карточки на группы по уровню материального обеспечения домохозяйств. На следующем этапе в ходе беседы с информантами были выявлены критерии отбора, которыми руководствовался каждый информант при ранжировании домохозяйств. Далее на основе анализа совпадений по всем трем распределениям и расчета средних рангов по каждому домохозяйству было получено итоговое ранжирование домохозяйств по уровню благосостояния. На основе экспертных оценок домохозяйства были распределены на четыре группы: богатые, среднеобеспеченные, нуждающиеся и бедные, из которых случайным отбором определялись семьи для участия в опросе. Впоследствии для удобства анализа данных категории нуждающихся и бедных были объединены в одну группу.

В монгольском поселении в опросе участвовали 34 семьи, в том числе 8 оседлых семей, постоянно проживающих в центре сомона, и более половины скотоводческого населения бага (26 из 46 семей). В пос. Октябрьский опрошено 38 семей из 87. Необходимо отметить некоторый «перекос выборки»: с монгольской стороны опрошено 64 % среднеобеспеченных и 69 % бедных семей, в то время как с российской стороны анкетированием охвачено среднеобеспеченных семей — 41 % и бедных — 53 %. Тем не менее объем выборки позволяет считать ее репрезентативной, что дало возможность провести сравнительно-сопоставительное исследование.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе ранжирования домохозяйств информантами использован широкий спектр критериев. Как правило, информанты распределяли домохозяйства на четыре группы: богатые, средние, нуждающиеся, бедные. Лишь один из монгольских информантов выделил три группы домохозяйств. Несмотря на субъективность экспертной характеристики, прослеживается общность критериев при оценке благосостояния домохозяйств. К ним относятся наличие постоянного денежного дохода, тех-

ники (легковой автомобиль, грузовой автомобиль, трактор и т. п.), уровень развития семейного хозяйства, детность семей.

Общим критерием при оценке статуса благосостояния как в российских, так и в монгольских семьях стали семейная структура населения и стадии жизненного цикла семьи. Малолетность или наличие взрослых финансово самостоятельных детей рассматривается как существенный фактор улучшения ранга домохозяйства. Напротив, многодетность, отсутствие семьи и детей или начальные стадии жизненного цикла семей выступают как факторы ухудшения ранга домохозяйств.

Тем не менее различия в ключевых критериях оценки уровня жизни между российскими и монгольскими информантами существенны. При распределении домохозяйств монгольскими информантами в первую очередь единодушно указывалось количество и видовой состав скота в семейном хозяйстве. В первой группе домохозяйств количество скота варьирует от 211 до 770 голов, во второй — от 98 до 351, в третьей — от 2 до 129. Видовое разнообразие домашних животных является предпочтительным вне зависимости от того, большим или маленьким поголовьем располагает домохозяйство. В первой и второй группах все домохозяйства разводят четыре из пяти традиционных видов скота (кроме верблюдов) — крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз; в третьей группе — в восьми домохозяйствах — четыре вида, в четырех — по одному. Только в четырех оседлых домохозяйствах содержится домашний скот, в основном крупный рогатый скот, в трех из них также имеются козы. В среднем на одно оседлое домохозяйство приходится 22 головы скота. Видовой состав домашних животных определяет модели потребления домохозяйств: высокое качество потребления основано на самообеспечении мясом и молочными продуктами, а также увеличении денежных доходов от реализации сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем диверсификация видового состава поголовья важна с точки зрения минимизации рисков катастрофических последствий стихийных бедствий, вызываемых климатическими явлениями, такими как зууд или засухи [5].

В отличие от монгольских, российскими информантами в качестве критериев благосостояния в первую очередь указывалось наличие постоянной работы и стабильного денежного дохода. Не менее важный критерий — наличие и размеры личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Как в Монголии, так и в Бурятии в настоящее время основные производители животноводческой продукции — личные хозяйства населения. По [6], в Монголии более 90 % общего поголовья скота перешло в частные семейные хозяйства, в Бурятии — 75 % крупного рогатого скота, 80 % свиней, 32 % овец и 30 % лошадей. Однако масштабы развития ЛПХ в обследованных российских домохозяйствах значительно скромнее по сравнению с монгольскими. В богатых российских личных хозяйствах поголовье скота на семейном подворье варьирует от 19 до 138 голов, в среднеобеспеченных — от 2 до 32, в бедных — 1–2. При этом восемь из 38 участвовавших в исследовании российских и три из 34 монгольских домохозяйств не имеют скота.

По данным статистики, поголовье крупного и мелкого рогатого скота на приграничных территориях Монголии в 2007 г. превышало аналогичные показатели в Бурятии соответственно в 5 и 80 раз. Столь резкая диспропорция — результат различной динамики поголовья мелкого рогатого скота (овец и коз) в 1990-х гг. Если на монгольской стороне поголовье возросло более чем в два раза, то на российской — уменьшилось почти в шесть раз. Такая динамика обусловлена различиями в ведении хозяйства. В Монголии сохраняется традиционное экстенсивное животноводство, базирующееся на круглогодичном пастбищном выпасе с сезонными кочевками и дешевой продукцией. Российское животноводство основано на заготовке кормов, оно зависит от климатических условий, наличия сенокосных угодий и сельскохозяйственной техники, стоимости горючесмазочных материалов и пр. Еще одну причину резкого сокращения поголовья скота в российских домохозяйствах исследователи видят в разрушении «симбиоза» коллективных и личных хозяйств, благодаря которому в советское время поголовье скота в домохозяйствах населения стабильно росло [7].

Обеспеченность техникой, прежде всего сельскохозяйственной, рассматривается российскими информантами как существенный фактор благосостояния, так как позволяет расширить ЛПХ в условиях оседлого хозяйствования за счет минимизации ручного труда и времени при заготовке сена, а также подработать, например заготовить дрова, сено на продажу и пр. В целом российскими информантами использован более широкий спектр дифференцирующих благосостояние критериев, таких как предпринимательская активность, временные приработки и др.

Материальное положение домохозяйств наиболее полно характеризуют совокупные доходы, в состав которых, помимо натуральных поступлений и денежных доходов от реализации продукции ЛПХ, входят иные денежные доходы. Для удобства анализа источники доходов были объединены в две группы: сельскохозяйственные и несельскохозяйственные, а для сопоставимости размеры доходов переведены в доллары по паритету покупательной способности (ППС). В категорию «другие доходы» были включены доходы от деятельности, связанной с приграничным положением (челночная торгов-

ля, извоз пассажиров, перемещение чужого товара через границу, сопровождение туристов в качестве гида, переводчика, посредника в торговле, сопровождение на охоте и пр., обмен валюты). Также в эту категорию включены доходы от частного извоза, заготовки и продажи сена, дров, от охоты, продажи изделий собственного производства (обувь, сувениры и др.), от предоставления лошадей, участия в скачках.

Уровень доходов населения на трансграничной территории низок. В Бурятии среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства и средний размер назначенных пенсий едва покрывают величину регионального прожиточного минимума [8]. Покупательная способность среднемесячной заработной платы в Бурятии в 2009 г. составила 154 %. В Монголии, по данным национальной статистики, соотношение средней заработной платы работников сельского хозяйства и регионального прожиточного минимума в 2008 г. составило 174 % [9].

В нашем исследовании совокупный доход монгольского домохозяйства составляет 86 % от доходов российского домохозяйства. Различия в структуре доходов определяются соотношением сельскохозяйственных и несельскохозяйственных доходов (табл. 1).

Если в российских семьях основной источник доходов — оплата труда и социальные трансферты, то в монгольских примерно половину суммарных доходов составляют доходы от сельскохозяйственной продукции. Дополнительное подтверждение определяющей роли подсобного хозяйства в формировании доходов монгольских семей — резкие различия сельскохозяйственных доходов по группам.

В богатых семьях доходы от ЛПХ составляют более 90 % совокупного семейного дохода, у «средняков» — половину, у «бедняков» — до 40 %. При этом несельскохозяйственные доходы (предпринимательская деятельность, заработная плата, пособия, пенсии и пр.) в богатых монгольских семьях ниже, чем в бедных.

Несмотря на то что значение доходов от сельскохозяйственной деятельности в жизнеобеспечении российских семей в три раза меньше, чем в монгольских, ЛПХ играют важную роль в самообеспечении семей сельскохозяйственной продукцией и поддержании доходов сельского населения. В среднем сельская семья удовлетворяет свои потребности в картофеле за счет ЛПХ на 95 %, в молоке, мясе и сале — более чем на 80 % [8]. Трансграничные различия в структуре доходов выглядят следующим образом. В баге Охиндей и пос. Октябрьский доходы от ЛПХ составляют 50,1 и 16,6 %, от заработной платы — 6,5 и 41,8 %, на долю других доходов приходится 13,6 и 3 % соответственно. Доходы от предпринимательской деятельности в пос. Октябрьский достигают 37 %, жители бага Охиндей таких доходов не имеют. Общая черта структуры доходов по обе стороны границы — существенная доля социальных трансфертов, на которые приходится около трети доходов: в баге Охиндей — 29,8 %, в пос. Октябрьский — 34,9 %.

Российское поселение отличается относительно высокой предпринимательской активностью. Определенный вклад в жизнеобеспечение монгольских семей вносит помощь родственникам. Двукратные трансграничные различия в среднедушевых денежных доходах позволяют оценивать уровень жизни россиян как более высокий по отношению к монголам. Уменьшение среднедушевых доходов обусловлено также довольно высокой демографической нагрузкой в монгольских домохозяйствах. Средний размер обследованных монгольских семей значительно больше, чем российских, — 4,6 чел. (российских — 2,7). В одной монгольской семье воспитывается приблизительно 1,6 детей школьного возраста, тогда как в российской — 0,7.

Низкие доходы определяют высокий уровень бедности населения приграничных районов. По данным официальной статистики, в 2009 г. уровень бедности, оцениваемый по доле населения с доходами ниже прожиточного минимума, составлял в Бурятии 19,7 %, а в Центральном регионе Монголии, к которому относится территория исследования, — 30,7 %.

В мировой практике критерием уровня бедности для стран с переходной экономикой выступает доля населения с доходами в 2 дол. и менее в день на человека (иногда 4 дол. и менее с учетом ППС) [10]. В соответствии с указанными критериями масштабы бедности в Монголии шире, чем в России. Так, менее 4 дол. в день на 1 чел. приходится в 62 % монгольских и в 24 % российских домохозяйств; менее 2 дол. в день — в пяти российских и восьми монгольских семьях.

Таблица 1

Совокупный годовой доход, в среднем на домохозяйство

Доходы	Баг Охиндей		Пос. Октябрьский	
	дол. ППС	%	дол. ППС	%
Суммарные	7273	100	8434	100
В том числе:				
несельскохозяйственные	3575	49,2	6812	80,8
сельскохозяйственные	3698	50,8	1622	19,2
Среднедушевые	1642	—	3287	—

Таблица 2

Расслоение по доходам, дол. ИПС

Доходы по группам, в среднем на домохозяйство	Баг Охиндей			Пос. Октябрьский		
	богатые	средние	бедные	богатые	средние	бедные
Суммарные	13 646	8482	3938	16 000	8693	3219
В том числе:						
сельскохозяйственные	11 336	5565	1486	5538	1082	334
несельскохозяйственные	2310	2917	2452	10 462	7611	2885
Среднедушевые	2599	2128	1013	5915	3375	1585

Общей чертой, характеризующей уровень жизни населения сопредельных территорий, наряду с низким уровнем доходов является значительное доходное расслоение. При этом оно по крайним децильным группам гораздо выше на монгольской стороне. Соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % бедных домохозяйств в российской выборке составило 12 раз, в монгольской выборке — 19 раз. В табл. 2 представлены различия в средних доходах по группам.

Основу дифференциации по доходам в российском поселении составляют различия в оплате труда, в монгольском — уровень развития и доходности ЛПХ. Несмотря на значительные трансграничные различия в доходном расслоении, уровни потребления различаются не столь резко. В среднем по российским домохозяйствам соотношение расходов и доходов составило 106 %, по монгольским — 162 %. Превышение расходов над доходами выявлено в 13 российских и 22 монгольских семьях. При этом для самых бедных характерно максимальное превышение расходов над доходами; у самых богатых доходы существенно превышают расходы. Натуральные поступления (ЛПХ, по месту работы или за временные приработки) в большей степени определяют уровень жизни самого бедного населения и вносят наиболее существенный вклад в жизнеобеспечение. Структура расходов в среднем по домохозяйствам в модельных поселениях распределяется следующим образом: в баге Охиндей и пос. Октябрьский траты на ЛПХ составляют 14,2 и 10,5 %, на питание — 22,4 и 20,3 %, на одежду и обувь — 9,1 и 7,8, на образование детей — 14,2 и 9,4, на лечение — 2,8 и 5,4, на налоги — 1,3 и 0,9, на поездки — 9,9 и 5, на другое — 21,5 и 32,8 % соответственно.

О низком стандарте потребления как в российских, так и в монгольских семьях свидетельствует высокая доля расходов на питание, ведение ЛПХ, а также незначительный удельный вес расходов на дорогостоящие покупки. Трансграничные различия выражены наиболее ярко при сравнении расходов на образование детей, медицинские услуги, поездки. Среди «других» расходов в российских семьях наибольший удельный вес приходится на оплату электроэнергии и связи (38 %), праздники и семейные события (17 %), выплату кредитов (21 %). В монгольских семьях затраты на праздники и семейные события составляют более половины «других» расходов, на оплату электроэнергии и связи — 34 %. Различия в уровнях потребления между богатыми и бедными домохозяйствами сильнее выражены в российских семьях. Если средние расходы бедных домохозяйств составляют в Монголии половину от средних расходов богатых домохозяйств, то в России — лишь 28 %.

Таким образом, сравнительный анализ уровня жизни населения на приграничных территориях позволил выявить существенные трансграничные различия в системе жизнеобеспечения, структуре доходов, соотношении сельскохозяйственных и несельскохозяйственных доходов, значении доходов от личного подсобного хозяйства, уровне доходного расслоения.

Резкое снижение мобильности, уменьшение числа бытовых, культурных поездок в города и районные центры связывают в первую очередь с обеднением сельских жителей, дороговизной перемещения на маршрутных такси, а также с сокращением количества автобусных рейсов. Мобильность монгольского населения выше, чем у россиян. Основное количество поездок совершается в пределах сомона, аймака с бытовыми целями (покупка продуктов и товаров, поездки к родственникам и пр.). Более высокой мобильностью повсеместно выделяются богатые семьи.

В условиях льготного безвизового режима трансграничная мобильность населения сопредельных территорий различна. Все шесть зарубежных поездок, совершенных двумя жителями бага Охиндей за год, были в КНР, и только шесть человек ранее (еще в советское время) пересекали российско-монгольскую границу. В российских семьях трансграничная мобильность значительно выше. В среднем за год на одно домохозяйство пос. Октябрьский приходится 1,5 поездки в Монголию. За последние 12 месяцев россияне совершили 53 поездки в Монголию. При этом в 20 % домохозяйств кто-либо из

членов семьи выезжал туда однократно, в 25 % семей — от двух до пяти раз и в 5 % семей — регулярно раз в один-два месяца.

Наиболее распространенной формой трансграничного взаимодействия стало перемещение россиянами товара монгольских челноков через границу за определенную оплату в размере 100 руб. за 1 кг товара. За поездку перевозится 15–30 кг чужого товара, что позволяет компенсировать расходы на собственную поездку (в среднем 900–1000 руб.) и получить небольшой доход. Если предположить, что максимально возможный доход от такой деятельности с учетом возможности пересечения границы с товаром один раз в месяц составляет приблизительно 24 тыс. руб., то вклад в семейный бюджет составит до 15 % от среднего денежного дохода домохозяйства. Поэтому доход от такой деятельности жители российского поселения, в отличие от монгольского, рассматривают как дополнительный ресурс для жизнеобеспечения семей.

Таким образом, влияние приграничного положения на уровень жизни населения неодинаково. Более высокая трансграничная мобильность и, соответственно, вовлеченность в различные формы трансграничного взаимодействия характерна для жителей российского модельного поселения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сочетание методов ранжирования благосостояния и анкетирования домохозяйств позволило выявить сходства и различия в локальных критериях благосостояния, определить масштабы доходного расслоения и уровня бедности в модельных поселениях на сопредельных территориях бурятско-монгольского региона. Уровень жизни населения трансграничной территории формируется за счет низкого уровня доходов, превышения расходов над доходами, резкого имущественного расслоения, значительных масштабов бедности. Главной стратегией выживания сельских жителей трансграничной территории остается занятость в личных подсобных хозяйствах. В условиях монгольского кочевого и полукочевого животноводства поголовье скота и его видовой состав в первую очередь определяют статус благосостояния. В российских условиях оседлого хозяйствования роль ЛПХ в жизнеобеспечении семей значительно ниже, а главным критерием благосостояния служит постоянная или временная занятость. На российской стороне возрастает роль трансграничной мобильности и вовлеченности населения в некоторые формы трансграничного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / Отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. — 610 с.
2. Герасименко Т. И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. — СПб.: Изд-во РГО, 2005. — 235 с.
3. The border observatory project. The state of US — Mexico border cities. — http://bop.clas.asu.edu/resources/publications/BOP_report2010.pdf
4. Grandin B. E. Wealth ranking in smallholder communities: A field manual // Intermediate Technology Publications. — London, 1988. — 49 p.
5. Direct and indirect uses of wealth ranking in Mongolia. — www.planotes.org/documents/plan_01505.PDF
6. Батыева Д. Ж., Тайшин В. А. Социально-экономические проблемы традиционного животноводства на трансграничных территориях Республики Бурятия и Монголии // Фундаментальные исследования. — 2007. — № 8. — С. 11–15.
7. Нефедова Т. Г., Пэллот Д. Индивидуальные хозяйства населения как объект географического изучения // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2002. — № 3. — С. 49–61.
8. Бутуханова Д. Г. Личные подсобные хозяйства населения в структуре сельскохозяйственного производства Республики Бурятия // Экономика и организация производства в агропромышленном комплексе: Вестн. ФГОУ ВПО МГАУ. — 2009. — № 8/1. — С. 80–82.
9. Mongolian statistical yearbook 2008. — Ulaanbaatar: National statistical office of Mongolia, 2009. — 450 p.
10. Калабеков И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах: Справочное изд. — М.: РУСАКИ, 2007. — 288 с.

Поступила в редакцию 10 июля 2012 г.